

КЛАССИКА СТРАНЫ СОВЕТОВ

ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

МНЕ ХОТЕЛОСЬ бы сказать несколько слов о подготовке к одной знаменательной дате — 90-летию со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского.

Но стоит ли затевать разговор так рано? Ведь 19 июня 1983 года еще не скоро... Однако опыт показывает, что значительные культурные начинания требуют для своего воплощения и немалых усилий, и долгого времени. В сущности, пора подумать о том, что надо успеть сделать к 100-летию со дня рождения великого поэта революции.

Чтобы не быть голословным, напомним, что Полное собрание сочинений Владимира Маяковского в тринадцати томах вышло в 1955—1961 годах и формировалось заблаговременно. Сейчас это фундаментальное издание уже не во всем отвечает современным научным представлениям о наследии поэта. И не случайно в печати ставился вопрос о необходимости начать работу над полным академическим собранием сочинений Владимира Маяковского. А такое издание займет в целом, по крайней мере, несколько лет. Предстоит также выпустить вторую книгу «Литературного наследия», посвященную Маяковскому (первая книга — том 65-й — издана в 1958 году). При этом, разумеется, необходимо учесть основные итоги маяковсковедения за минувшие десятилетия, сделать выводы из состоявшихся профессиональных дискуссий и критических обсуждений.

Испытание временем проходит каждый поэт, проходит это испытание и Маяковский. Позволю себе краткое отступление. Для моего поколения Маяковский был поистине первой любовью. Первой и всепоглощающей. Маяковский в нашей молодости едва не замещал для нас всю поэзию. Говорю о страстных поклонниках и исследователях творчества Маяковского, к которым принадлежал, например, молодой литературовед В. Кожин, великоленно читавший стихи любимого поэта. Помню, как Николай Николаевич Асеев вышучивал мою «ревность»: мне казалось, что Асеев больше любит Хлебникова, чем Маяковского. А это, на мой тогдашний взгляд, было совершенно недопустимо. Асеев даже хохотал; сомневаться в преданности Асеева... Маяковскому!

Живы были многие современники, друзья, родные Владимира Владимировича Маяковского. Ежегодно 14 апреля отмечался день памяти поэта — вечерами в Политехническом, в уютной Библиотеке-музее Маяковского на Таганке (бывшем Гендриковом переулке ныне — Маяковского). Ни одного такого вечера я, конечно, не пропускал. И когда традиция прекратилась, этот день

все равно звучал особо — тревожно и весенне. И вдруг как-то я поймал себя на том, что забыл о 14 апреля... «И минув год. И был апрельский день, тот самый день, когда случилось это» (Валентин Сидоров, «Железные розы» — маленькая поэма о Маяковском). Но музыки не было... Что-то произошло... Маяковский перестал быть единственным солнцем, и горечь утраты тоже отступила. Однако «памяти сердца» суждено возвращение. Мы воспиты- таны Маяковским, Маяковский — это мы, а от себя не уйти.

За последнюю четверть века любовь к Владимиру Маяковскому прошла испытание любовью к другим поэтам. Прежде всего именно в это время широко восторжествовала народная любовь к Сергею Есенину, как бы вопреки несправедливому забвению прошлых лет. Чуть позже и с неожиданным размахом и подъемом, особенно в 100-летний юбилей поэта, заново влюбленным глазами неискосимых читателей открылся Александр Блок. И мы говорим теперь с гордостью, что Блок, Маяковский, Есенин — великие зачинатели советской поэзии (что не исключает, конечно, большого и важного значения других поэтов революции).

Когда мое поколение приступало к изучению, познанию русской поэзии начала века, двадцатых годов, Маяковский, как великан, был несколько одинок, несопоставим ни с кем на «карте» поэзии эпохи революции. Сегодня необычайно раздвинулся и углубился весь спектр наших представлений о русской поэтической культуре XX столетия, «небо поэзии» засияло новыми звездами. Это процесс естественный, необходимый и благотворный. Звезду Маяковского не спутаешь ни с какой иной. И ее сияние, казалось бы, притушенное другими лучами, сегодня опять влечет и изумляет.

Испытанием нашей любви к Маяковскому стало и мощное устремление к классике, «возвращение» к традициям русской классической поэзии, русского искусства, и не только XIX века, но и всего «тысячелетия» русской культуры. Маяковский воспринимается сейчас в ином историческом контексте, чем тридцать лет назад. Каждая из национальных братских литератур нашей страны пережила и переживает интенсивный всплеск интереса к «истокам», к отечественной классике. И традиции Маяковского в многонациональной советской поэзии соотносятся с этим плодотворным движением. Можно сказать, что в значительной мере именно Маяковский своей резкой постановкой проблемы традиций и новаторства подготовил наше сегодняшнее «возвращение» к классике. Теперь, думается, мы на пороге «возвращения» к

Маяковскому, увиденному в неотторжимости от русской классической поэзии — от Державина, Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Блока... Сам Маяковский был испытанием нашей любви к классике.

Владимир Соколов, воспевавший «прозрачные размеры, обычные слова», соединивший в одной строфе Некрасова и Фета, которые «врачуют классическим стихом», недавно сказал: «Мне кажется, что предстоит новое прочтение В. Маяковского, новое открытие его лирико-социальных сплавов, обновленное временем творческое понимание его как личности и как поэта» («ЛГ» от 31 марта 1982 г.). Такой поэтический прогноз, данный одним из ревнителей классических традиций, свидетельствует о потребности самой поэзии в маяковском начале, живительном и грандиозном.

Маяковский прошел испытание и реальным развитием поэзии. Ораторский, разговорный стиль молодых поэтов 50—60-х годов словно бы возвращал нас к Маяковскому. Да и во всей тональности поэзии этих лет были достаточно явственны и часто главенствовали маяковские ноты. В поэзии 60—70-х годов интонации более сдержанные, «классические». Конечно, обе эти тенденции все время соседствовали, сталкивались, переплетались. Со стилистическими поисками современной поэзии масштабы и стратегия стиха Маяковского сопоставимы далеко не всегда. И, однако (мне уже приходилось писать об этом), я убежден, что Маяковский остается неизгладимым внутренним контекстом нашей поэзии. Так живет буря в наступившей затем тишине. Разумеется, эти сравнения весьма условны. Речь идет о стиле поэзии. Во всяком случае, сегодня Маяковский не единственный ориентир поэтических исканий.

Но растет понимание, что Маяковский занимает в некотором смысле первенствующее место в советской поэзии! И что роль Маяковского определяется не только «всем сочиненным» поэтом, но и захватывающим общим ореолом вокруг поразительного явления, имя которому — «Подвиг Маяковского» (так называлась статья одного из старейших маяковсковедов А. Метченко к 70-летию со дня рождения великого поэта). Евгений Евтушенко заметил: «Мы выросли из многих стихов Маяковского, но до некоторых еще, может быть, не доросли». Это верно, и все же суть, мне кажется, не в таком разделении. Мы не вправе уповать на преимуществе, которые дало нам наше время, наш исторический опыт. Сквозь строки, строфы и подробности к которым можно относиться по-разному, нас манит и жжет главное: огонь.

Этот огонь всегда впереди и выше! Огонь революции... Сегодня снова жива и актуальна «проблема Маяковского»; не меркнет высокая вера поэта, первым восславившего социалистическое Отечество. И в этом смысле, неизмеримо преобладающим подход текстуальный и стилистов, трубный глас Маяковского звучит, как объединяющий призыв флагамена всей советской поэзии.

Егор Исаев, в чьих поэмах ошутим необычный сплав интонаций Александра Твардовского и Владимира Маяковского, сокрушенно признал однажды, что мы «слишком завысоко оценивали Маяковского и в этих своих завыскациях в чем-то и заурчили его. А ведь он наивнейший поэт в основе, мало подходящий и для риторики, и для сладкопения».

Характерный симптом сегодняшнего интереса к Маяковскому — появление статей, аналитически рассматривающих напряженный драматизм поэтического мира Маяковского, отношения поэта к природе, созданный им образ времени (такова искренняя и полемика статья В. Сквозникова в академическом сборнике «Многообразие стилей советской литературы»). Заметное охлаждение к Маяковскому, пришедшее как реакция на апогетик, сменяется новой тягой к загадке великого поэтического чуда. Любопытно, что радио и телевидение передали совсем недавно жаркие диспуты юных читателей о Маяковском. О нашем долге перед памятью Маяковского убедительно говорили и писали в последние годы Алексей Сурков, Михаил Луконин, Сергей Наровчатов, Сергей Орлов, Николай Грибачев, Лев Ошанин, Михаил Дудин, Лев Озеров... О действительности традиций Маяковского в советской поэзии идет речь на каждом съезде писателей СССР.

Но подумаем о том, как продолжить в новых поколениях читателей и поэтов сердечность восприятия судьбы и творчества Маяковского. У нас исчезает чувство, о котором в связи с Маяковским напомнил А. В. Луначарский: «Не все мы похожи на Маркса, который говорил, что поэты нуждаются в большой ласке». Маяковскому и сегодня недодано самой простой нежности, хотя риторики предостаточно. Жаль, что исчезла традиция ежегодных вечеров памяти Маяковского 14 апреля. Давно не было всесоюзных конкурсов на лучшее исполнение стихов и поэм Маяковского. Есть социальная и психологическая потребность в новых радио- и телепередачах, посвященных Маяковскому, в новых фильмах о поэте. Надо пересмотреть, обновить, осовременить весь арсенал средств изучения и пропаганды наследия Маяковского, найти новые слова о

подвиге поэта. Может быть, начать постоянные «Маяковские чтения» — силами виднейших писателей и ученых.

Праздник поэзии Маяковского и впрямь должен стать всесоюзным, охватить также места, где когда-то выступал поэт, где члут и помнят поэта. Маяковский был певцом индустриального и культурного расцвета Сибири и Дальнего Востока, поэт провидел: «Я знаю — город будет, я знаю — саду цвесть...» Помечтаем о том, чтобы на трассе БАМа или на Енисее новому городу было дано крылатое имя — Маяковский. И чтобы в город Маяковский каждый год приходил всесоюзный праздник поэзии, всегда новый и всегда непохожий на скучные словопрения «прозаедавшихся». «Твори, выдумывай, пробуй!» Кстати, на родине поэта, в Грузии, успешно следуют этому его девизу на ежегодных праздниках, посвященных Маяковскому.

Хорошо, что у нас в Москве есть большой Государственный музей В. В. Маяковского в проезде Серова (бывшем Луначарском), рядом с площадью Дзержинского, но жаль, что не стало Библиотеки-музея поэта на Таганке, в доме, где у Маяковского в гостях бывали Луначарский, Мейерхольд, Асеев, Вс. Вишневский, Пастернак, Арагон, Драйзер, Диего Ривера, Хикмет... Библиотека-музей существовала около сорока лет и несколькими поколениями читателей стала родным домом. Большой радостью для всех любителей поэзии явилось бы открытие здесь филиала Государственного музея В. В. Маяковского.

В СССР произведения Маяковского издавались огромными тиражами много сот раз на десятках языков. И все-таки книг поэта, как и других изданий классики, не хватает нашему многомиллионному читателю. «Всенародная элита» любителей поэзии ждет больших тиражей, большего количества изданий и большего разнообразия сборников произведений Маяковского. Недавно вышел в издательстве «Художественная литература» интересно составленный А. Ушаковым двухтомник избранных сочинений поэта. Но достать двухтомник, несмотря на массовый тираж, почти невозможно. Очень необходимо был бы постоянно переиздающийся большой однотомник стихотворений, поэм, прозы и драматургии Маяковского. Помню такой еще довоенный однотомник (с предисловием В. Перцова), который для многих из нас стал вратами в мир Маяковского. Нужны тематические и жанровые издания произведений поэта, в том числе книга ранних стихов Маяковского, книга поэм, книга лирики, книга сатиры, книга пьес, отдельные издания таких поэм, как «Проза», «Владимир Ильич Ленин»

и «Хорошо!», сборники «Маяковский об искусстве», «Маяковский о молодежи», «Маяковский о заграничье», «Маяковский-художник»... Некоторые из этих книг выходили, но есть потребность в их обновлении и переиздании. Важно, не откладывая на завтра, сегодня же наметить перспективную систему издания произведений Маяковского — от массовых и популярных книг до полного академического собрания сочинений.

Драматургия Маяковского обрела сценическое воплощение, но пора устроить смотр, фестиваль пьес поэта, чтобы посмотреть, чего мы достигли в постановке «Мистерии-буфф», «Клопа» и «Бани», таких композиций, как «Послушайте!» в Театре на Таганке, и способствовать появлению новых спектаклей театра Маяковского, осмыслению самого этого феномена.

Десять лет назад, к 80-летию со дня рождения поэта, была под руководством и по инициативе Константина Симонова возобновлена Государственным литературным музеем и ЦГАЛИ знаменитая выставка «20 лет работы Маяковского». Там же, где она была в свое время развернута поэтом, — в нынешнем здании Союза писателей СССР. И мы должны, мне кажется, открыть ее там же вновь — к 90-летию со дня рождения Маяковского. Пусть это станет традицией!

Наконец, у нас нет такой биографии Маяковского, которая стала бы увлекательным чтением для широчайшего круга любителей поэзии. Известная серия «Жизнь замечательных людей» в долгу перед великим русским советским поэтом. В долгу и писатели, исследователи, хотя у нас есть многие серьезные книги и статьи, посвященные творческому пути и наследию Маяковского (обрели признание труды таких литературоведов, как А. Тимофеев, А. Метченко, В. Перцов, А. Февральский, Н. Реформатская, Н. Харджиев, В. Арутюнян, Д. Молдавский, В. Дувакин, Э. Паперный, а среди авторов недавних работ — Б. Гончаров, А. Ушаков, Ф. Пицкель, О. Смол, С. Коваленко, А. Субботин, В. Альфонсов, Р. Дуганов).

«Мне, чудотворцу всего, что празднично, самому на праздник выйти не с кем» — исповедовался предреволюционный Маяковский. Сегодня с поэтом — вся страна. И Маяковский — это праздник, который всегда с нами. Не разучимся изумляться поэзии, встретимся вновь и по-новому в того, кто не устает звать человечество: «Для веселья планета наша мало оборудована. Надо вырвать радость у грядущих дней». С этим пламенным лозунгом «земной шар чуть не весь обожел» могучий поэтический глашатай Великого Октября.